

СОФИ ДЕ БАЭР

*Секрет
матерей*

Перевод с французского

Нины Хотинской

phantom press

Москва

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)
Б33

SOPHIE DE BAERE, LE SECRET DES MÈRES

Copyright © Éditions Jean-Claude Lattès, 2025

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Éditions Jean-Claude Lattès

Перевод с французского Нины Хотинской
Редактор ДМИТРИЙ САВОСИН

Оформление обложки ЕЛЕНА СЕРГЕЕВОЙ

Софи де Баэр

Б33 Секрет матерей: Роман / Пер. с фр. Н. Хотинской. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 384 с.

Коlette возвращается в родной Морван после многих лет отсутствия, чтобы попрощаться с умирающей матерью. Столкнувшись с молчанием своей семьи, от которой она сбежала юной девушкой, Коlette решает выяснить правду о событии, одним июльским вечером 1969 года изменившим всё. Переходя от одного открытия к другому, она находит ответы, полностью переворачивающие ее представления о себе и своей семье. Роман Софи де Баэр — это тонкая и эмоционально насыщенная история о семье, памяти и секретах, которые передаются из поколения в поколение. Автор мастерски показывает, как жестокость и молчание могут влиять на судьбы детей и внуков, формируя их восприятие любви. «Секрет матерей» — история о том, что иногда, чтобы понять себя, нужно осмелиться заглянуть в прошлое своей семьи и принять правду, какой бы сложной она ни была.

ISBN 978-5-907943-23-0

© Нина Хотинская, перевод, 2026
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2026

5 августа 2004

Поезд приближается к станции, и все заготовленные по пути вежливые фразы стремительно вылетают из головы. От страха кровь приливает к щекам, жжет глаза. Сердце бешено колотится. Оно будто удивляется моей вялости и хочет меня подстегнуть. Времени уже не осталось. Быстрее, Колетт. Быстрее. Сердце, пожалуйста, право. Ведь я даже не представляю, как начну. Ничего. Словно ветром выдуло. Ни единой фразы-зацепки. А как хотелось бы поймать хоть одну губами, заучить ее наизусть, вдохнуть в нее смысл, расставить слова по порядку — и тогда, взглянув в их лица, я не сорвусь, не дам другим словам, злым, оскорбительным, поглотить мою добрую волю. Потому что на самом деле слова, фразы — такого товара у меня хоть отбавляй, проблема не в этом, и вовсе не перспектива заговорить с ними повергает меня в ужас. Ничего подобного. Ужасно будет, если я начну и не смогу остановиться. Целый том словаря вдруг вырвется наружу, а я и не замечу, как он забьет ключом и разбередит рану этих долгих лет, что пролегли между нами. Нет, невозможно. Я должна сделать усилие, найти верные слова, первые после долгой разлуки. Первые слова — это очень важно. Они задают тон, по ним уже угадывается дальнейшее. Я должна разобраться, должна понять, в конце концов. Пробить стену молчания и узнать эту историю. Узнать правду.

8 января 1953

— Я опять.

Он стоял в дверном проеме, маленький жалкий солдатик с хмурым и виноватым лицом. Марта сложила свою перину на еще теплые кирпичи, протянула ему руку и пошла за ним, не сказав ни слова. Шуметь нельзя.

Держась за руки, дети вышли на дорожку, отделявшую дом от флигеля. Пробежали сквозь голубой дождь, лизавший горбатый месяц. Марта, почти невидимая в густом сумраке крошечной каморки Люсьена, достала из кармана коробок и чиркнула спичкой. Язычок пламени, затрепетавший у самых ресниц, позволил девочке оглядеться. Стол, на нем очистки, ореховая скорлупа, а вот и керосиновая лампа. Она тихонько подняла стеклянный колпак, второй спичкой подожгла фитиль и протянула лампу мальчику, который испуганно смотрел на нее. Марта заулыбалась еще шире.

Она подошла к смятой постели, сняла мокрые простыни и понесла их в дом, в кухню фермы. Вода в баке с утра еще не остыла; она подождала несколько минут, потом отжала влажный ком, снова ступила войлочными тапками на заиндеветшую дорожку и вернулась с ним в каморку к Люсьену. При свете старой лампы дети развесили чистое белье на веревке,

натянутой между балками. Он обмочился уже в третий раз на неделе. Огюстина страшно бы рассердилась, это уж наверняка. И Люсьену опять пришлось бы спать без простыни и одеяла, как собаке на подстилке.

— Идем со мной, — прошептала Марта.

— Я боюсь. Она точно меня убьет.

— Идем, говорю. Все будет хорошо, Люлю. Я тебе обещаю.

Люсьен и Марта вышли из флигеля и направились в теплую, тихую кухню этой уединенной фермы, которую до сих пор называли мызой Дьявола. Когда-то жилые постройки и земли вокруг принадлежали зажиточной крестьянской семье, но отец и старший сын не вернулись с Первой мировой. Остались только мать с младшим сыном. А потом умер и парень — по слухам, погиб под копытами своей кобылы. Говорили, что старуха после этого спилась, запустила донельзя жилье и уголья и окончила свою одинокую жизнь, упав с лестницы. Купив ферму за бесценок, родители Марты привели в порядок все, что еще можно было спасти, то есть немного. Хлев, флигель, амбар, покосившийся сарай и только один дом из четырех.

В печи догорали угли, и окоченевшие дети кинулись к ней, спеша согреться. Если не считать стука редких капель о стекло, в доме было тихо. Отогревшись, Марта потянула Люсьена за рукав и втолкнула его в длинный коридор. Старший брат, Огюстина и Серж спали наверху, и только девочка — на первом этаже. Марте до сих пор было невдомек, почему, еще когда она была совсем маленькой, родители устроили ей спальню внизу, в закутке, до этого служившем кладовкой.

Издаleка донeся звон вeчeрных колоколов, и Марта сделала знак Люсьeну. Притаившись в темноте коридора, бедняжка дрожал, как перед казнью.

— Иди ко мне, Люлю. Не бойся.

Люсьен робкими шагами приблизился к раскладной кровати Марты и юркнул под перину. Девочка натянула ее до самых их подбородков, и Люсьену показалось, что он погрузился в мягкое, теплое тесто. Марта погасила керосиновую лампу в углу и прижалась к мальчику, его худенькие руки обняли ее. Веки двух ангелочков сомкнулись.

Марта опять опаздывала, в который раз. Когда она вошла в кухню, родители, брат и Люсьен уже сидели вокруг большого стола. Серж, ее отец, макал намазанный маслом хлеб в кружку кофе с молоком, над ней клубился белесый парок. Марта села рядом с ним, и Огюстина горько вздохнула. Ох и трудно ей с дочерью. Девчонка растет настоящей сорвиголовой. Нахмутив брови, мать налила в чашку немного горячего молока и подала ей. Марта наскоро выпила. Настенные часы пробили семь, а учитель открывал ворота в половине девятого. Надо поторопиться. Путь от фермы долгий, да еще и в горку.

На дороге Марта вложила ладонь в руку Люсьена, и под злым утренним ветром оба припустили бегом к своим велосипедам, далеко опередив старшего брата, который и не собирался их догонять — не хотел, чтобы его видели с парижанином. Местные дети не жаловали присланных в деревню органами опеки сирот. Семьи, дававшие им кров, получали пособие от государства до достижения теми тринадцати лет и обычно использовали приемышей как помощников на фермах. К приезжим детям пристала кличка *Парижкики*. Люсьен был одним из таких. Уже два года, как мальчонка нашел приют здесь, на этом островке, который накрывали поочередно то туман и снег, то летняя сушь. Уже два года, как Люсьен впервые увидел Морван с его сочными лутами, низкими гранит-

ными скалами, сонными озерами и густыми колючими чащобами.

А в тот, первый, день он смотрел из окна поезда на быстрые ручьи и глубокие лощины, похожие на трещины в камне. Ему представлялось, как он будет жить на этой земле. Пойдет в лес, увидит зверей. Лисят, кабанов с поросятами. Может быть, даже волка вроде тех, каких он срисовывал из альбомов, расставленных в алфавитном порядке на книжных полках в его прежнем классе. Эта картина вызвала в памяти сиротский приют, запахи церковных свечей и чернил. Построенных парами детей, всегда готовых к драке, — невеселые игры, неизбывное чувство одиночества. Перемены, от которых оставалось одно название.

Всматриваясь в стекло, мальчик видел черты своей новой семьи, отца и мать, они будут кормить его, греться с ним у очага, рассказывать ему сказки. Потом вообразил брата и сестру. Деревенские дети научат его распознавать цветы и зверье, покажут красивые виды, лесные тропы и потаенные уголки. Они будут вместе мочиться на одно дерево, составлять снадобья из грязи и слизи улиток. Смеяться до колик в животе. Всю дорогу Люсьен с наслаждением перебирал в уме эти надежды.

Но, ступив ватными ногами на землю Лежандров, он увидел только прищуренные глаза Огюстины, ее жилистые руки и передник в пятнах крови кролика, которого она только что освежевала. Всего несколько часов пути — и вот уже гомон и суета парижского вокзала позади, здесь Люсьена встретило суровое молчание местных жителей. Он еще не знал, что, прячась в листве молодого орешника, маленькая девочка, ровесница, ждала его с улыбкой и трепетом в сердце.

Школьный двор. Присыпанный снегом в проплешинах от ледяного ветра.

Выстроившиеся перед дверью школы ученики казались окаменевшими. Марта смотрела на Люсьена. У него дрожали коленки, спина колесом. Ей было так больно за него, так обидно. Бедняжка был одет в короткие штанишки и войлочную накидку с капюшоном, влажной тяжестью давившую на плечи. Эту жалкую одежонку каждую зиму присылали из органов опеки. Люсьен, как и многие другие приемыши, мечтал о длинном шерстяном пальто. Он мерз в накидке без рукавов, а еще больше стыдился, что одет как все Парижикки.

Класс был один, и Люсьен оказался здесь не единственным сиротой, вывезенным из Парижа и его окрестностей. Из двух десятков учеников питомцами органов опеки были восемь. Говорили, что в других деревнях приемышей еще больше.

— Входите, дети, — сказал месье Мидадь.

— Здравствуйте, учитель, — отвечали один за другим ученики от старшего до самого маленького и, входя в коридор, вешали одежду на медные крючки.

Для Марты и Люсьена школа с ее запахами мела и воска, служившего натиркой для парт, превращалась в островок отдохновения от тяжелого труда на ферме. Им нравилось изучать умножение и деление,

карту Франции с департаментами и префектурами, анатомию человеческого тела, названия растений, которые они собирали и наклеивали в гербарии. Листья граба, полевого клена, белой ивы. Цветы водосбора и жимолости.

Надо признать, что месье Мидадь по-доброму относился к своим ученикам. Голос у него был уютный, ласковый, как колыбельная, и он так верил в них. Они чувствовали себя на своем месте. Не такими жалкими. В классе Марта была не просто девчонкой с мызы Дьявола, она становилась прилежной и старательной ученицей, слушала учителя, получала хорошие отметки за знания и поведение. А Люсьен на время забывал про металлический медальон, висевший у него на груди, — такую бирку с регистрационным номером носили все Парижики.

На переменах Люсьен обычно играл с Мартой и Жилем Гастье, тоже приемышем. Этот улыбчивый мальчик жил еще с тремя сиротами у добрейшей вдовы, которую дети называли бабулей. Люсьен был очень силен в игре в шарики и часто выигрывал. Выигранные стеклянные шарики он прятал в жестяную коробку из-под печенья, которую дал ему Серж. Но стоило только выйти из школы на улицу — о, без защиты учителя это было другое дело, — и Люсьен снова становился самым маленьким и жалким существом. Каждый вечер после уроков ему напоминали, кто он есть — сиротка из опеки, истыканный шпильками и подколками *нормальных* детей. Местных. И их взглядами, сальными от самодовольства и спеси.

Тогда за него вступалась Марта, пускала в ход кулаки, дралась ногами, заставляла и его поднять голову, рывкнуть, дать сдачи. Еще не хватало быть мокрой

курицей! И мальчик, приосанившись, снова знал, что может долго смотреть куда ему хочется. На щербинку меж ее передних зубов. На ее огромные глаза. На нее всю, в которой уже угадывалась маленькая женщина.

Люсьен видел: Марта не такая, как другие девочки. Для нее не существовало преград, она была готова пробраться в любую щелку, если за ней ожидало приключение, неважно, настоящее или выдуманное. Она мечтала поскорее выбраться с их уединенной фермы и прожить много жизней. Быть художницей, актрисой, певицей или, почему бы нет, путешественницей. Надо только потерпеть, она еще мала. Марту тянуло в большой мир.

На обратном пути, верхом на велосипедах, дети придумывали множество игр и забав. Поддразнивали друг друга. Злили старшего брата, который обзывал их олухами и тупицами. Отыскивали в небе особенное облако в форме замка или самолета и следили за ним. За те почти четыре километра, отделявшие коммунальную школу от мызы Дьявола, Люсьен и Марта сбрасывали с плеч плевки и обиды прошедшего дня.

На ферме, правда, приходилось присмиреть. Им давали перекусить грубым хлебом с вареньем, после чего Марта с братом садились за уроки. Люсьену же редко так везло. Следовало прежде переделать все дела, которые вот уже несколько месяцев поручала ему приемная мать. Выкосить траву меж камней, подмести дорожки, задать корм курам и двум свиньям. Принести из колодца воды для скотины. Наколоть дров.

Вечером Люсьену разрешалось ужинать за столом со всей семьей, но если мальчик плохо выполнял ра-

боту, то Огюстина давала ему только кашу и яблоки. В такие дни, пока мать мыла посуду, Марта выбегала из дома будто бы проверить скотину в хлеву и приносила Люсьену остатки пирога или сыра.

Сегодня вечер выдался скверный, Марта поняла это, едва переступив порог. Такое лицо у матери бывало в самые плохие дни. Марта узнала острый взгляд, гневно поджатый рот, позу — большие руки, упершиеся в бедра.

— Куда ты дел деньги на хлеб?

— Я их не трогал, честное слово.

— Не морочь мне голову, Люсьен. Куда ты спрятал деньги? Они лежали на подоконнике, а булочник их не нашел.

— Это не я, Титина. Не я.

— Кто же тогда?

Огюстина замолчала. Поджав тонкие губы, она оторвала лист вчерашней газеты, которую использовали для очистков, и вышла из кухни. Минуту спустя она уже стояла перед Люсьеном с завернутым в смятую бумагу пучком крапивы.

Опустив голову, сторбившись, мальчик не произнес ни слова. Он повернулся к окну и устремил взгляд больших голубых глаз на старый вяз в свете луны. С годами это дерево стало ему почти другом, ангелом-хранителем. Они с Мартой часто водили короткими пальцами по морщинам столетнего ствола, угадывая спрятанный под корой невидимый мир. Слышали веселый гомон праздника, шуршание крылышек эльфа в листве, свист рассекающего воздух рыцарского меча. Иногда поздно вечером, когда все спали, они тайком встречались возле флигеля и сидели, прижав-

шись друг к другу, под деревом. Слушая собственное дыхание. Вбирая в себя вздохи друг друга, напиваясь их силой.

— Ну-ка, поди сюда, я тебе покажу, как воровать!

Люсьен спустил штаны и уставился на вяз, стиснув зубы. Марта заплакала, но Огюстина на нее и не взглянула, продолжая хлестать нежную кожу ребенка. Марте было больно, так больно внутри. Укусы крапивы как будто проникали ей в кровь и терзали ее детскую душу.

Люсьен же, не в пример Марте, и бровью не повел. Он так долго жил впритык к хлеву, к свиньям, что, наверное, и сам уже считал себя скотиной. Которую кормят и даже иногда ласкают. А потом однажды зарежут и съедят.

Был четверг, около полудня, в этот день в школе нет уроков. Серж и Огюстина уехали на ежегодную ярмарку, это наверняка до вечера. Старший брат был на уроке катехизиса, потом собирался играть с друзьями в деревне до возвращения родителей. Люсьен с утра подоил коров и отнес бидоны с молоком в сарай. Марта тем временем перебирала чечевицу.

В кухне тихо гудела печь и пахло деревом. Тесно прижавшись друг к другу на лавке, Марта и Люсьен переговаривались вполголоса. Покончив с делами, они решили тайком сбегать к невысоким горам, тем, что виднелись вдали за фермой. Для этого им надо было подняться по тропе вдоль реки. Им уже не хватало еловой чащи, буковых и каштановых рощ, подступавших с обеих сторон к единственной, каменистой и крутой, дороге, отделявшей их от деревни. Там они знали наизусть все тропки. Нет, на

этот раз они пойдут в другую сторону, на север, через большой лес. Вчера, убирая за свиньями, Марта и Люсьен подробно обсудили свое маленькое путешествие.

Мох пружинил под подошвами, глаза тревожно всматривались в тучи над головой, когда они уходили все дальше под ели. Без единой жалобы или вздоха. Они шли все быстрее и громко пели, чтобы приободриться. Собственные голоса действовали так живоительно, что они даже разделились, чтобы набрать даров леса. Опавших листьев. Веточек. Шишек. Болели замерзшие пальцы, ныла поясница, но Люсьен старался как никогда. Нежность и сила прихлынули к сердцу, и ему так хотелось собрать побольше сокозвищ.

Наконец, окончательно позабыв о страхе, они уселись около маленького водопада. Марта решилась опустить ноги в обжигающе холодную речку и поддразнивала Люсьена, призывая сделать то же. Он наотрез отказался.

— Трусиска, — припечатала его Марта.

Смеясь, она погрузила ноги в воду до колен. И только тут заметила плававших в речке рыб, их черные выпуклые глаза.

Только не кричать, зажмуриться, тогда будет не так страшно.

Страшно было все равно.

Когда одна рыба скользнула по ее лодыжкам, у Марты невольно вырвался испуганный вскрик. Люсьен громко захохотал.

— Ну и кто из нас трусиска? То-то же...

— Заткнись, Люлю.

Марта надулась, но через пару минут уже сама смеялась вместе с ним. Это справедливо, подумала она.

Люсьен взял ее за руку, и они легли на мох. Орел со свистом описывал круги прямо над ними, детские глаза вдруг охватили всю бескрайность пейзажа. Прожилки и трещины на стволах. Бурный поток воды. Ясное небо, просвечивающее сквозь иглы елей. Они смотрели вверх, над ними качался узор из ветвей, и оставленные дома заботы постепенно забывались. Не было больше уборки снега, кормления скотины, дойки. Не было порок. Им хотелось остаться здесь, на лоне суровой и дикой природы. Вместе и навсегда.

Вот только Люсьен начал кашлять. Этот дурной кашель донимал его уже неделю. Он вдруг замерз, живот подвело от голода, захотелось домой. Но Марта была против. Ему ведь скоро девять, а в девять лет не хнычут, надо быть сильным и стойко переносить испытания, чтобы жить, как индеец сиу, среди трав и зверья. Бобрам-юниорам трусить негоже, сказала ему Марта*. И мальчик тут же взял себя в руки, приосанился. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы его названная сестричка — так он теперь называл ее про себя — гордилась им. Несколько долгих минут он так и лежал, устремив глаза в небо, и с улыбкой воображал себя то отшельником, то искателем приключений. Даже кашель утих.

Марта поднялась и отвлекла Люсьена от грез:

— Ну же, Люлю, чего замечтался? Надо пошевелиться. Они уже скоро вернутся.

* «Бобры-юниоры» — популярный во Франции 1950-х годов детский комикс.

Мальчик тоже вскочил на ноги, и они принялись за дело. Для начала достали веревку, которую стащили из мастерской Сержа, притянули друг к другу ветки елей и связали их — получилась крыша. Лучше, конечно, было бы добраться до верхушек, но никак. Руки у них такие маленькие, а ели такие высокие. И все равно они старались изо всех сил, чертенята.

Они втыкали, соединяли, скрещивали, укрепляли, покрывали, настилали, и всего за час был построен шалаш. Марта захлопала в ладоши и обняла Люсьену. Дети прыгали от восторга, щеки у них порозовели, а лбы взмокли. Они наконец-то создали себе подобие свободы в одном из тех мест, что могут хоть немного удержать детство.

Прошло еще не меньше часа, прежде чем уснуло небо. Целый час они могли грезить о полянах и крепостях, придумывать сказки про принцев и принцесс. Принимать сухой лист за пергамент чародея, вслушиваться в пение птиц, которое так любила Марта. Подставлять лица волшебному ветру сквозь ветви.

Но свет померк, пора возвращаться. Еще опьяненные этим чудесным днем, проведенным за играми под деревьями, они легко нашли дорогу домой, летели по камням, ни разу не споткнувшись, и, когда туман наполнил вечерний воздух, не заметили, как день сменился ночью.

Когда дети вернулись на ферму, кухня была пуста, а печь еще не остыла. Тиканье ходиков продолжало отсчитывать минуты и часы, но теперь все было по-другому. Теперь ходики отсчитывали время, остававшееся им до следующего похода в большой лес. Не просто время, а обещание.